

ЗИНАИДА ГИППИУС

ИГРА И
ПРАВДА

Зинаида Николаевна Гиппиус

Игра и правда

Аннотация

«Паша – художник. Ему лет одиннадцать, но уже весь он на ладоньке. То есть видно, что к жизни он не приспособлен, и никогда не выйдет ничего путного.

Должен бы прекрасно знать жизнь, понимать, – так криво и грубо проходило его детство; но Паша ничего не знает, или, скорее, ничему не верит, что знает и видел...»

Содержание

I. Чудеса	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Зинаида Гиппиус

Игра и правда

I. Чудеса

Паша – художник. Ему лет одиннадцать, но уже весь он на ладоньке. То есть видно, что к жизни он не приспособлен, и никогда не выйдет ничего путного.

Должен бы прекрасно знать жизнь, понимать, – так криво и грубо проходило его детство; но Паша ничего не знает, или, скорее, ничему не верит, что знает и видел.

Зато попробуйте, скажите ему серьезным голосом самое неслыханное, ужасное или вообще потрясающее: верит сейчас же, до дна, несмотря на свои одиннадцать лет. Пятилетний ребенок усомниться, – а Паша поверит.

Вот он сидит с Лизой, своей двоюродной сестрой, на плоту у пруда.

– Так ты думаешь, на сахарной словится, если очень пожелать? – спрашивает Паша, глядя на Лизу карими, выпуклыми, немного воспаленными глазами.

Лиза – старше года на полтора или на два. Она – вся круглая. Румяная, бойкая девочка с рыжеватыми кудряшками на висках. Пашу раскусила с первого дня, едва дядя Коля, Пашин отец, больной, молчаливый и странный человек, привез

мальчика в имение, к Лизиной маме. Лиза росла одна. Обрадовалась Паше. А кстати, он такой смешной: с ним можно играть, точно с живой куклой. Он весь – чудесная, великолепная игра для Лизы.

Жизнь тоже не особенно интересует Лизу, она гораздо больше любит игру, – то, что можно выдумать и вообразить; пожалуй, и верит больше игре; но все-таки отлично видит их обе – игру и жизнь. Когда никак нельзя иначе – покоряется жизни, учит географию, решает задачи. Паша не умеет решать задач; он сплошь окутан одним переливающимся туманом, не слышными ни для кого звуками; для него нет двух миров, а только один.

В этом Пашином мире Лиза чувствует себя не только царем, но и борцом, и увлекается своей властью, собственной игрой – до самозабвения.

Она знает, что стоит ей захотеть, и Паша до ночи просидит на полу, с палкой вместо удочки, и если рыбы не поймает, то лишь потому, что у него «мало веры». Лиза открыла ему, что «с верой» можно сделать все: и на пустой крючок от шпильки рыбу поймать. В конце концов это же так. Ведь это же сказано. В чудесах «по вере» нет никакого обмана. Лизи-но полусознательное лукавство лишь в том, что она не верит в достаточную веру у теперешних людей, и в свою, между прочим, но Паше этого не хочет сказать. Напротив, она даже убедила его в своей способности творить чудеса; Паша себя перед нею чувствует окаянньм.

Не горе, положим, – но крышка чайника на самоваре явно сдвигалась, подпрыгивала, когда Лиза произнесла: «Тебе говорю, крышка, – сдвинься!»! Другие не слышали, занятые разговорами, но Паша сидел рядом, слышал. Еще, когда дядя Коля за завтраком чистил яйцо, Лиза тихо, но внушительно сказала: «Тебе говорю, дядя, съешь это яйцо!» и дядя съел. Были и другие потрясающие Лизины чудеса...

– Ты знаешь что, Паша, – говорит Лиза, – ты эту палку с веревкой оставь на плоту до ночи, а мы с тобой в пустую дачу всюнощную служить. У тебя веры прибавится.

Паша согласен. Всенощная – его специальность. Лиза же эту игру из всех считает самой потрясающей, – свержигрой. Тут уж она и о своей власти забывает, а вместе с Пашей плавает в его чудесном море.

У Паши, неизвестно откуда, такое точное знание богослужения, что Лиза перед ним спасовала. Вытащила зеленую учебную книжку, да в книжке – сокращено; пришлось так подучиваться. Кроме того, Паша знал все «гласы» и напевы, от простых до самых сложных. Когда он садился за пианино и, выводя серебряно верным голосом «Отче наш» – «Птичку», подыскивал гармонию маленькими узловатыми пальцами, – Лиза рот раскрывала от изумления и зависти. Училась-училась, а только и знает барабанить. А у Паши точно само поет пианино.

Впрочем, она делала вид, что не удивляется, что это просто. Во время вечерен и всюнощных на пустой даче Лиза бра-

ла себе возгласы (ведь она старшая), а Паша был дьяконом, и дьячком, и хором, и регентом. И было удивительно; уж, конечно, удивительнее и правдивее самой, так называемой, «правды».

Игры ведь все разные, одни выше, другие ниже. И только внизу, на конце где-то, – «всамделишное»; оно ниже самой маленькой игры.

Твердо укрепили на плоту удочку-палку с веревкой и пустым шпилечным крючком. Чтобы не свалилась в воду. И пошли быстро к пустой даче.

Дачка маленькая, за парком, за густой изгородью акациевой. Влезать надо сбоку, в одно известное окно. Там, в первой комнате, где в углу столик, а по стенам стулья, у Паши и Лизы под столиком все нужное. Две шали старые, красная и клетчатая; много стеариновых огарков; книги, – учебная зелененькая для справок, и еще толстая в переплете; неподходящая, но она не раскрывается и взята за переплет.

Еще солнце не село, но в комнате уже сумерки от акаций и сирени. И когда Паша зажег все огарки, – стало хорошо: замигали, закивали огоньки, на потолке заходили тени.

Паша пел негромко, истово и проникновенно. У Лизы на душе становилось как-то важно, – и немного страшно; сердце билось, думалось о Паше, о себе и о вере, об удочке там, на плоту... Как же?..

Когда Паша «Свете тихий» запел, – Лиза стала на колени (хоть не полагалось) и подтянула робко, боясь соврать. И уж

было невозможно подумать, допустить, что вот они сейчас вернуться к пруду, к удочке, и на удочке Паша найдет тот же пустой шпилечный крючок. Невозможно, нельзя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.